

В издательстве «Вече» вышла новая книга стихов Ивана Переверзина «Дыхание любви». Книга солидная, красиво оформлена — её приятно держать в руках. Она — просто наполнена поэтическим дыханием, которое, по словам автора, «взрывает душу нестерпимо!»

Предисловие подготовил один из лучших критиков нашего времени, литературовед Лев АННИНСКИЙ. Впрочем, это скорее, рецензия — развёрнутая, обстоятельная, сделанная не столько на отдельно взятую подборку последних поэтических произведений, сколько целиком на творчество поэта. Мастер слова, авторитетное мнение которого всегда очень важно творческому человеку, словно разговаривает с невидимым вдумчивым читателем и отвечает своему собеседнику на вечный вопрос о назначении поэта. С первых же строк Аннинский раскрывает тему, рассказывая нам об уникальности Ивана Переверзина.

Аннинский совершенно справедливо отмечает, что в этой книге «всё время ощущается реальность, в которой всё это происходит. Ощущается земля, её ритм, её музыка.

Надо только вслушаться в эту музыку, дать ей в душе прозвучать.

И она звучит, отлаженная когда-то Пушкиным, Тютчевым, Фетом, но возрождающаяся сейчас вот в этой самой реальности».

Предлагаем рецензию вашему вниманию.

Весло поэта

Уникальность Переверзина в том, что он не хочет окликать эту самую свою уникальность. Он настолько слит с судьбой, настолько неотделим от обстоятельств своего самоощущения — с детства, юности, молодости, — что отдельно от этих обстоятельств себя не мыслит.

Хотя обстоятельства далеко не райские. Непроходимая тайга... Солнечный жар вдруг сменяется таким холодом, что воздух при дыхании рвёт гортань и как рашпилем выжимает слёзы... И что? Слёзы эти — от радости, что возраставший его мир — с ним! И вдохновенье...

«И вдохновенье — тут как тут — взрывает душу нестерпиво и я, как тундровый якут, пою о всём, что только зримо...».

Но не только «о листьях и корнях» песня — меж ветвей видна «кладка здания», крепкий дом выстроен, и «все окрестные дома» возведены «в итоге тяжкого труда» — возведены всем миром, так что отдельность от этого мира немислима.

Ты первородно — со всеми. И поэтому «нельзя быть одному счастливым». Это — ощущение мира, в котором ты един со всеми, и все чувствуют это так же, как ты. Изначально.

Чем бы ни был занят лирический герой, он это чувствует. И когда до изнеможения обихаживает кусты бесконечного капустного поля. И когда по ухабам и кочкам скачет верхом, чтобы успеть к переправе, пока её не снесло. И когда бражничает с корешами. И когда уединяется с подружкой... Всё время ощущается реальность, в которой всё это происходит. Ощущается земля, её ритм, её музыка.

Надо только вслушаться в эту музыку — дать ей в душе прозвучать.

И она звучит, отлаженная когда-то Пушкиным, Тютчевым, Фетом, но возрождающаяся сейчас вот в этой самой реальности.

«Пусть сил, быть может, и немного, но ровно столько, чтоб душой я победил и боль-тревогу, и радость, бьющую грозой...».

Радость и боль переключаются в этой мелодии. Это не объяснимо рассудком. Погаённа от него мелодия бытия. И её смысл.

«И вдруг так захотелось плакать от счастья, что несчастья нет! Как будто с неба вместо мрака со звоном льётся звёздный свет!».

Мрак? Свет? Всё обретает смысл, если расслышать мелодию, не зависящую от проделок и переделок повседневья.

«Всё, что душа достойно совершит, не подлежит бездумно переделкам. На этом изначально жизнь стоит, как время ни летит, срывая стрелки...».

Эта песня изначально бытия неподвластна зигзагам времени: стрелкам смены ситуаций, молниям и громам эпох...

«Так пой душа! Не бойся ничего: ни молнии, ни грома, ни мороза. Уже давно

над жизнью высоко шумит стихов рассветная берёза!».

В этом расцветном шуме стихов слышится бессмертный четырёхстопный ямб, который то мягко отступает в какой-нибудь трёхстопник, то остро взнуздывается хореем, но, скорее всего, это дольник: мелодия живёт ритмом ударных слов.

И этот поэтический ритм бытия проступает из повседневной бестолочи неотступно. Летя через тьму, неподвластную логике: «Я точно счастлив, что несчастлив, что в жизни — жизни не пойму. Слово с душой, открытой настежь, лечу к рассвету через тьму».

Это не перевод реальности в параллельный стиховой лад. И не дублирование житейского опыта с помощью рифм и размеров. Это обнаружение смысла бытия, сокрытого в самой его основе. Только бы расслышать.

А как не расслышать, если этот лад укоренён в поддоне бытия и словно ожидает того, чтобы реализоваться в тексте.

Я прослежу это поэтическое нащупывание смысла у Переверзина на некоторых его темах.

Это ощущение единства — ты и все.

Это ощущение дара любви и греха не любви.

Это ощущение беды и счастья... в их нерасчленимости

Это ощущение жизни и смерти... в их неразделимости.

Это ощущение ада и рая в их... но не будем спешить.

Ты и все... Если живёшь первородно, то есть неотделимо от родного тебе образа жизни, то о благодарности народа можешь специально не заботиться — она придёт

естественно и неодолимо. Если ты в чём-то виноват, то не больше, чем любой другой в твоём с ним общении. А если ты оказываешься один, то всё равно несломленный, потому что ты и теперь не один, а со всем миром.

Нельзя быть одному счастливым, это так — «повсеместно и навечно».

Так почему ты, сын Виллоя, плачешь, если счастлив?

«А я — счастливый сын Виллоя, — хотя бы потому, что в жизни, пусть безответно, но люблю я, — и мне не быть на свете лишним».

Значит, с кем-то.

Любовь?

Это — решающий пункт: ощущение любви... точнее, любви и греха вместе. Потому что в базисном жизнеощущении оба состояния естественны, грань между ними прихотлива, подвижна и неуловима.

Любовь естественна. «Крови жаркой зов».

И ревность естественна. Хотя иногда и пуста. Указать ей её место — трудно. Потому что и тут — жаркий зов крови. С чернотой по краям.

А грех откуда? Да оттуда же, из естества. В сердце места греху нет. А грех — есть.

Что в итоге? Любовь без правил. Несчастье, прячущееся в счастье, счастье — в несчастье. При молчании Господа, к кому всё-таки возносятся мольбы. От всех. Или от двоих.

«Нас, родная, нынче двое, и наш закат вдвойне сильнее горит».

Уловили мелодический стык? Закат горит...

Так есть любовь или нет?

«К сожалению, нету любви»...

Если счастье и несчастье способны меняться местами, оставаясь в нерасчленимости, то остаётся уповать на возвратность циклов.

Есть ли возврат? Или и его нету?

«И остаётся вновь и вновь жалеть, что существует точка невозврата к любви, в которой можно умереть, к надежде, что сбываемостью свята».

Умереть — в надежде. Надежда и смерть — рядом. Беда и святость вместе. Счастье и несчастье...

Но что такое несчастье? Отчего боль? Откуда слёзы?

Да ниоткуда! Из естества!

А зачем беды перечисляются?

На этот вопрос ответ есть. И не один. Череда ответов. С одним общим смыслом, перечёркивающим эту боль. Аннулирующим жуть. Осушающим слёзы.

«...И кто из нас кому помог над горем вознестись, как птицам, неважно, ибо каждый счастье ковал из боли и ненастья и верил: счастье состоит».

Счастье — в беде, в боли. Счастье — в самом несчастье.

Формулы — фантастические по парадоксальной убедительности. В стихе работают. Прямо-таки афористически.

«Для счастья полного мне не хватает слёз».

Неудивительно, что в какой-то точке жизнь уравнивается со смертью. Или так: смерть становится оправданием жизни. Тут естество миропорядка ухаёт в замкнутую зеркальность. И смысл смотрится в смысл.

И счастье — в несчастье. И свет во тьме. Сейчас ослепительное якутское солнце вознесётся в златом ореоле над сопками и, спалив сомнения, снимет вопрос...

А нет! Не снимет. И боли не убавит. Разве что песню подскажет запеть...

Теперь дождёмся, когда погаснет песня... в молчании птиц:

«И я — поневоле всё тише, шагаю сквозь боль на закат, с печалью глубокою слыша, как птицы со мною молчат...».

Птицы знают своё дело. Замирание стиха — от немоты разума, бессильного разрешить проблемы бытия на уровне повседневности.

Говоря просто: на уровне ада и рая, как они должны бы реализоваться.

А может, это всё те же сполохи запретного воображения? И там, в запретности, они сейчас сольются? И повиснет «такая тишина, как в водной глубине, будто нет нигде святого рая, будто ада злого нет нигде».

Увы, есть. Есть земной ад, откуда хочется в рай... небесный. Туда не пустят? А в рай земной? А если рай земной — это всё-таки ад? По нашей общей вине?

«Вину по полной принимаю, но коль я всё же — человек, то рай, — увы, не обещаю, но ад приму с тобой навек».

Сказано любимой в разгар ссоры. Когда ад и рай сваливаются в кучу, меняются ролями, ищут аргументов, чтобы разминуться.

Как чётко обещано в том стихе, который я взял в эпиграф: для того чтобы ощутить земной рай, надо справиться на земле с адом.

Но как?

Прочитую четверостишие полностью: «Но рая мне не надо, прежде, чем справлюсь с адом на земле... И воли свет в моей надежде, и свет кипящий — на весле...».

Видно, в том смысл, чтобы надежда крепилась волей, чтобы из этой крепости рождался свет, и чтобы всегда кипел этот свет на кончике весла...

Поэтического весла.